

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. КУПАЛЫ

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ МОИХ

ЯНКА КУПАЛА... Невозможно перелистнуть непрочитанной страницей, подписанную этим колдовским именем. Оно вместило в себя купальские костры и песни, уплывающие по туманной реке венки с мерцающими свечами, почти языческие легенды, веру в папоротниковый цветок счастья и неистребимую народную мечту о светлом будущем.

С самого детства я очарован его поэзией. Любому настроению, любому состоянию в природе созвучны его стихи. Они — эхо твоей души, твоих радостей и горестей, твоих надежд и утешений. Купала — это целый мир чувств, образов, мыслей.

Вспоминается дождливая осень на заре счастливого возраста. Вместе со сверстниками пасу лошадей на лесной поляне, ветер кружит побуревшие листья, насквозь продувает наши зипунишки. У тлеющей костра, укрывшись мешковиной, читаю товарищам щемящие купаловские строки.

Села пад пушчаю Восень,
Вочы ўтаропіўшы ўдалы,
Жаль ёй павяўшых дакосін,
Спелых дажынак ёй жаль.

С той поры и родилось желание увидеть, услышать самого Купалу.

ОСЕНЬЮ 1931 года я приехал в Минск. Стояли пасмурные дни, моросил дождь. И вспомнилось: «Села над пушчаю Восень, вочы ўтаропіўшы ўдалы».

От дождей потемнели дома, тускло поблескивала брусчатка мостовой, по Советской динькали забрызганные, заляпанные по самые окна трамваи.

Я уже был отравлен хмелем публикования, хотелось поскорее окунуться в литературную среду, бывать в Доме писателя, видеть Купалу, Коласа, Бядулю, Гартного, Чарота, познакомиться с молодыми поэтами. Да, будучи членом Бобруйского филиала БелАППа, я уже печатался в «Маладняку», в «Чырвонай Беларусі», а вот вход в писательский дом не был, не отваживался. Задерживаясь иногда под ле, смотришь, как заходят, выходят люди, почти все в шляпах... Шляпа мне казалась тогда чуть ли не свидетельством причастности к писательству. Особенно спешили «ошляпиться» начинающие... Можно было встретить хлопца в сапогах, в кожанке и... в вехонькой шляпе. И вот однажды...

Из дверей вышли двое. Глянул —

и застучало сердце: Купала! Да-да, не ошибся, он! Среднего роста, светлые усики, над переносьем удивленные брови, глаза — золотистые. Ей-ей, будто искорки солнца. А может, показалось, так разволновался, радость захлестнула.

А кто же это с ним? Широкоплечий, в светлой шляпе, в плаще. Ступает — будто за плугом идет. Перешучиваясь, пошли вниз по Советской. Я — следом. Только позже узнал, что это был Сымон Барановых.

У Купалы с ним была особая дружба. Может, потому, что урбанизация никак не тронула душу Сымона... Не раз мне потом доводилось видеть такое: сидя на обшарпанном диване в Доме писателя, Купала и Барановых «состязаются», кто лучше знает все части крестьянской повозки. В этих «турнирах» было много остроумия, смеха.

О чем они говорили тогда на улице, я не слышал: чтоб не попасться на глаза, шел поодаль.

Улица сбегала к реке. Пошли «комбинированные» дома — низ кирпичный, верх бревенчатый, а больше — деревянные домики с палисадниками, просторными дворами с грядками и колодцами. На углу — белокаменный Беллестехникум, мимо которого я всегда проходил, как перед пушкинским лицеем. Тут учились Трус, Глебка, Моряков, Лиходиевский, Бондарина, Якимович, Дорожный — почти вся поэзия той поры. А учил их сам Колас!

Купала с Барановых свернули на Садовую улицу. Весь этот причудливый район представлял огромный сад с домишками невообразимых «фасонов» и расцветок, с глухими заборами.

У зеленой калитки, на Октябрьской, они остановились, поговорили, вошли во двор. Над забором чуть не до середины улицы раскинул ветви старый тополь. Значит, здесь живет Купала...

В ПОДВАЛЕ Дома писателя была столовая, — наверное, самая демократичная в городе: в ней кормили в кредит, попросту — в долг, и атмосфера тут была какой-то семейной, домашней. В этом сумеречном подвале за столиком можно было встретить и Купалу рядом с Михасем Заречким, Барановых, Хадыкой...

Вообще в Дом писателя Купала заходил часто. На второй этаж —

к литературному «начальству» — почти никогда не поднимался. Поздоровается с гардеробщицей, со всеми, кто в вестибюле, расспросит о здоровье, о делах, все ли дома хорошо, и идет в близкую комнату с единственным окошком, что «смотрит» в кирпичную стену какого-то дома, садится на обшарпанный диван, и тотчас вокруг него собираются молодые поэты. В шутку их величали «кадром». Сергей Астрейка, Змитрок Виталин, Алесь Прудников, Павлюк Буровой просят послушать их стихи.

Дядька Янка слушает внимательно, оценки дает лаконичные, конкретные: «Не то, браточек, написал... А накрутил! Думаешь, по этой лесенке из строчек докарабкаешься до Маяковского? Силы нет, мысли и чувств — кот наплакал. А рифмы? Это ж для глухого! Пиши так, чтоб люди заиками не становились, читая твои стихи, чтоб понимали, что ты хотел им сказать. А нечего сказать — так лучше помолчи».

Купала намерен еще послушать, но самонадеянный «новатор» тусуется, бочком откатывается в сторонку. Кто-то еще отваживается. Декламирует выразительно, громко, чтоб голосом и жестом прикрыть огрехи, но чувствительное купалово ухо не пропускает ни одного фальшивого слова. «Этого, браток, ты и сам не разумеешь. Мякины много, а зерна — чуть-чуть. Хорошо-о веять надо».

Когда что-то стоящее ему нравилось, откровенно радовался, не скупился на похвалу. Помню, как хвалил он поэму Сергея Астрейки «Бенгалия», крепкие, проникновенные стихи Змитрока Виталина.

А то, бывало, ни с того ни с сего спросит: «А «Соловей-соловушка» в «Чырвонай зорцы» смотрели? Не видели? Ну, такую картину грех пропустить. Пошли!»

И все мы топчем за дядькой Янкой. В кинотеатре он покупает нам билеты, подводит к контролеру, говорит, что уже смотрел картину, прощается и легкой, стремительной походкой выходит из фойе. А нам так хотелось побыть еще с ним!

ПОКУПАЮ в киоске несколько экземпляров журнала «Беларусь калгасная». Во втором номере — мое стихотворение «Гидростанция». Признаться, такой электростанции я и в глаза не видел, а написать вот написал: в ту пору весьма охотно печатали стихи

про домны, плотины, вагранки, шахты...

Развернул и любуюсь лестничкой, ступеньками своих строчек. Разбивка такая была тогда приметой «современности». В этом же номере напечатаны «Ударнику» и «Заўсёды наперад» Янки Купалы.

Пока листал журнал, к киоску подошел дядька Янка, поздоровался с киоскером, со мною. Купил «Превду» и «Звязду», просмотрел заголовки, сунул в карман. «Натешил своим творением? Так пойдем вместе».

Шли, молчали. Мне не терпелось услышать купалову похвалу. И он, видимо, почувствовав мою скованность, заговорил: «Пока читал стих твой, ну и наспотыкался, будто по шпалам сигал, все с ноги сбивался. Зачем так ломать строку? Глянь, каким прозрачным, понятным стал Маяковский. Правда — она чем проще, тем сложнее. Ладно, переболейте и этой хворобой. Вон Володя Хадыка! Тот не выламывается, каждая строка — вроде как отлита, аж звенит».

Я виновато понурил голову. Дядька Янка сочувственно глянул на меня, утешил: «Не журишься. Я так — на будущее, чтоб меньше треска было. А стихок ничего. Дочитал». Купаловский урок и по сей день для меня — предостережение от пустышек, фальши, самоуверенности.

БЕЛОРУССКОЕ правительство наградило Купалу легкой машиной. Это был первый персональный автомобиль в городе. Маленькая черная «эмка» казалась вершиной техники. Вначале дядька Янка надеялся сам научиться крутить «баранку», являлся в Дом писателя с учениками по автоделу, восторженно рассказывал, как овладевает теорией. Но за рулем никто его так и не видел. Зато поездишь, покатаешь знакомых любил весьма.

В довоенном Минске на углу Ленинской и площади Свободы рядом с гостиницей «Европа» был огромный посудный магазин. Здесь Купала встретил как-то известного хирурга, у которого не раз лечился, Николая Ивановича Бобрика. Обрадовался встрече и попросил его жену, Екатерину Ивановну, помочь выбрать сервиз. «Целиком надеюсь на ваш вкус». Женщина придирчиво осматривала наборы. Остановилась на красивом графинчике, нежных фужерах и рюмках с изумрудным

отливом. Спросила: «Это подойдет, Иван Доминикович? «А вам нравится?». «Очень». «Тогда беру».

Вышли из магазина. Купала открыл дверцу: «Садитесь, подвезу домой». «Что вы, спасибо, мы траваем». «И слышать не хочу. Поехали». И отвез их на Газетный переулок. Прощаясь у дома, подал покупку-сервис Екатерине Ивановне: «Вам это нравится. Примите на память о нашей встрече». Та было заперечила, а он помахал рукой, уехал.

Николай Иванович с женой прошли войну с первого до последнего дня. А в Минске — после всех бомбежек и пожаров — чудом уцелел купалов подарок. Несколько рюмок из него Екатерина Ивановна потом передала музею Янки Купалы.

БЫЛ ТЕПЛЫЙ и тихий май. Отцветали сады, розовыми, белыми облачками курилась сирень. Над городом — дыхание весны и первых гроз. В те дни широко отмечалось 30-летие творческой деятельности Купалы.

До начала официальных вечеров Купала пригласил друзей и близких домой, чтоб по-семейному отметить свой юбилей. Об этом прослышали работники радио и попросили разрешения транслировать вечер сразу в эфир. Звукозаписи тогда еще не было. Значит, слово, сказанное в микрофон, не вырешь, не вернешь, не отредактируешь. Трудно представить, как отважились на такую передачу работники радио и хозяйин. Но трансляция состоялась. Вел ее композитор Исаак Любан. Меня взял в помощники.

Заходя в кабинет поэта установили аппаратуру, на праздничном столе — микрофон. Трансляция в аппаратуру велась по телефонным проводам. К сумеркам дом Купалы наполнили гости. Гостеприимная тетя Влада успевала всех обласкать своим вниманием. Купала, верно, волновался: часто отлучался в сумеречный кабинет, курил свой неизменный «Казбек».

Когда все были уже в сборе, хозяйин сел у торца стола меж двух окон. После короткого вступления Любана начался обычный застольный говор, шутки, реплики, тосты... Микрофон скоро оказался в забвении. За столом было много артистов Первого БГТ (ныне Академический театр имени Купалы). И тосты сменялись песнями. Вот на середину комнаты вышла молодая, статная Ольга Владимировна Галина. Голос ее дрожал:

Не глядзі на мяне, не глядзі,
Не чаруй так сабой і на яве і ў сні!
Ты смяешся з мяне... Дык ідзі ж, не глядзі,

Бо замучыш, загубіш навекі мяне!

Когда она дочитала «Спадчыну», подошел взволнованный Купала, поцеловал руку. Артистка расцеловала поэта. Подбежала веселая тетя Влада, потянула мужа за рукав: «Нечего при всех целоваться с молодыми девчатами!» И сама расцеловала Ольгу Владимировну. Показался дружный хохот. Застолье было уже в таком разгаре, что пришлось выключить микрофон...

Больше таких передач, кажется, в истории радио не было, а люди утверждали: эта была самая живая, интересная.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 июня 1936 года часа в четыре дня радио сообщило: «Умер Алексей Максимович Горький». Я тотчас бегом бросился на работу — в радиокомитет. Там уже готовил внеочередной выпуск «Последних известий» редактор Юрка Такарчук. Не отрываясь от рукописи, сказал мне: «Связывайся с Купалой, проси хоть несколько слов об Алексее Максимовиче».

Я долго упрашивал телефонистку соединить меня с Купалой. Занято. Наконец, все-таки дозвонился. Услышал знакомый, чуть приглушенный голос: «Мне, хлопче, писать теперь о Горьком все равно, что на себя некролог. Для всех это невосполнимая утрата, а для меня — великое горе». «Вот об этом и напишите хоть несколько строчек», — упрашивал я. «Так ведь руки трясутся... Сейчас не могу. Завтра поутру забеги. Может, что выйдет. А теперь нет, не могу».

Назавтра чуть свет я постучался в знакомый по той памятной передаче кабинет. Дядька Янка ходил из угла в угол. Лишь кивнул на приветствие, вздохнул: «Никак не отбиться. Вот и газеты звонят. А что тут скажешь?.. Душа плачет, и сердце разрывается от боли».

Он подал мне листок с коротким и весьма прочувствованным текстом. Я прибежал на улицу Кирова, в радиокомитет, сразу продиктовал машинистке, а оригинал оставил себе как дорогую реликвию. Долго его берег. Но в наше беспокойное время гбли не только рукописи...

НА МЕСТЕ когда-то уютного домика — теперь Купаловский музей. Вокруг разросся шумный парк, бронзовые русалки пускают венки в воду, на зеленый курган взойти встречать солнце бессмертный и неутомимый странник — Янка Купала.

Я часто вечерами прихожу к купаловскому дому. На сумеречное окно падают голубые лучи луны, и комната вроде бы светится изнутри мягким светом. Кажется, вот сейчас услышу тихий знакомый голос...

Сергей ГРАХОВСКИЙ.